УДК 811.11 – 112

*Н.Д. Овчинникова*

# ПЕРВИЧНАЯ КОМПРЕССИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ ТИПОВ РЕЧИ ПРИ ЖАНРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Данная статья посвящена первому этапу жанровой трансформации как изменения структурно-композиционного признака исследуемых жанров английских публичных выступлений и информационных газетных сообщений – первичной коммуникативной компрессии, рассматриваемой в рамках ситуационной стратегической модели Т.А. ван Дейка. Особое внимание уделяется преобразованию функционально-смысловых типов речи как одному из способов актуализации первичной компрессии.

Жанровая трансформация, первичная коммуникативная компрессия, ситуационная стратегическая модель, функционально-смысловые типы речи.

This article highlights the first step of genre transformation as a change of structural and compositional characteristics of the studied genres of public speeches and newspaper articles – primary communicative compression which is considered within the framework of situational strategic model. Special attention is given to changes of rhetorical semantic modes as one of the forms of its actualization.

Genre transformation, primary communicative compression, situational strategic model, rhetorical semantic modes.

Целью данной статьи является описание особенностей изменения функционально-смысловых типов речи как одного из способов актуализации первичной компрессии при жанровой трансформации в английском публицистическом тексте. Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений британских государственных деятелей и информационные газетные сообщения, взятые из британских «солидных» изданий в период 2003–2006 гг., затрагивающие политические, экономические, внешнеполитические и внешнеэкономические проблемы. В целом было рассмотрено около 1500 текстов и отобрано для анализа около 200 ПВ и ИГС.

Следует отметить, что осуществление жанровой трансформации обусловлено, прежде всего, современным состоянием функционально-стилевой системы английского языка. Новые эволюционные тенденции функционально-стилевой и жанровой дифференциации и интеграции (дифференциация мегастилей, интеграция макростилей в мегастили и др.) указывают не только на соприкосновение, но и взаимопроникновение стилей и жанров, «наметившееся движение к огрублению всей стилевой системы» [8, с. 11], дают возможность выделить в системе функционального стиля множество «подвижных интегрированных подсистем» (термин К.М. Ирисхановой) [5], вступающих во взаимодействие.

Другим не менее важным, на наш взгляд, фактором, способствующим жанровой трансформации английского публицистического стиля, является общность коммуникативного контекста исследуемых жанров публичных выступлений (ПВ) и информационных газетных сообщений (ИГС), которая обусловлена их доминирующей функцией как жанров политического информирования.

Анализ системообразующих признаков ПВ и ИГС (коммуникативной цели, образа адресанта, образа адресата, событийного содержания), выявил респонсивный характер вторичного жанра ИГС по отношению к первичному жанру ПВ, что позволяет рассматривать информационные газетные сообщения как вторичный текст. Дифференцирующим признаком выступает языковая форма, – точнее структурно-композиционный признак – определяемая действием категории вариативности и подчиненными ей текстовыми категориями экономии и избыточности, под действием которых и происходит трансформация, т.е изменение структурно-композиционного признака.

Экономия и избыточность ПВ связаны с такой их особенностью как развернутость, которая предполагает полное, точное изложение мысли с исчерпывающей характеристикой объекта речи. Являясь проявлением категории избыточности, развернутость обусловлена наличием компонентов эмоционального и рационального, пятичастной композиционной структурой, подготовленностью выступления, влиянием риторического аспекта изложения на структуру высказывания. Однако избыточные компоненты облегчают восприятие, способствуют экономии умственных усилий и выполняют воздействующую функцию.

В ИГС определяющей является категория экономии, что связано с исторически сложившейся тенденцией к краткому содержательному представлению ситуации в современной газете, а также со сформировавшимися конструктивными принципами газеты (стандартом и экспрессией) в зависимости от выполняемых ею функций (информативной, воздействия и убеждения). Композиционная структура ИГС, а также принцип «перевернутой пирамиды» при подаче материала свидетельствуют об избыточности.

Развернутость ПВ как проявление категории избыточности и краткость ИГС как манифестация категории экономии доминируют в исследуемых текстах. Однако избыточность занимает подчиненное положение по отношению к экономии, являясь экономной по своей природе.

Способом актуализации доминирующей категории экономии выступает компрессия, обусловленная линейностью и ассиметрическим характером языкового знака. Компрессия как диалектическая категория единичного по отношению к общему (экономии) [9] понимается нами как обусловленный принципом языковой / речевой экономии закономерный процесс, протекающий на всех уровнях языковой / речевой структуры, имеющий результатом значительное сокращение плана выражения и плана содержания высказывания и обеспечивающий наиболее оптимальные условия обмена информацией между участниками коммуникации [7, с. 7].

Системно-языковой подход к жанровой трансформации (рассмотрение результатов ее проявления на текстовом и пропозематическом уровне) впервые позволил выработать определенную закономерность ее осуществления: первичную и вторичную компрессию. Вслед за Н.С. Валгиной [1] представляется возможным трактовать первичную и вторичную компрессию как коммуникативную и семиотическую соответственно. Первичная коммуникативная компрессия, проявляющаяся на текстовом уровне, связана со свертыванием информации и определяется как процесс структурно-семантической трансформации ПВ в ИГС, связанный с изменением функционально-смысловых типов речи и исследуется в рамках ситуационной стратегической модели Т.А. ван Дейка [3], которая объединяет разные дискурсивные аспекты текста: широкий коммуникативный контекст его производства и восприятия, а также прагматические, пресуппозиционные, стилистические, риторические и функциональные аспекты дискурса как фрагмента мира. Стратегический характер этой модели позволяет актуализировать такие смысловые грани дискурса, как понимание коммуникативной ситуации, прагматический и семантический аспекты дискурса, а также его структурно-стилистическую актуализацию.

Реализация первичной компрессии связывается с преобразованием тематической (семантической) и прагмастилистической структуры текстов на основе изменения соотношения эксплицитной и имплицитной информации. Взаимодействие информационного пространства ПВ с информационным пространством ИГС приводит к ряду семантических, структурных трансформаций и преобразованию функционально-смысловых типов речи. Рассмотрим изменение функционально-смысловых типов речи.

Следует отметить, что функционально-смысловые типы речи – это типы, способы изложения, которые соотносятся с мыслительными и коммуникативными категориями. Функционально-смысловые типы речи определяются характером передаваемой содержательной информации: фактологической, концептуальной, гипотетической, методической, эстетической, инструктивной [1, с.75]. В публицистических текстах, рассчитанных на познавательную и ценностно-ориентационную деятельность, преобладает фактологическая и оценочно-эмоциональная информация.

Функционально-смысловые тип речи являются факторами текстообразующими, определяющими тип содержательной информации. Это, в свою очередь, отражает выбор способа изложения. В ПВ чаще всего встречается рассуждение. Описание обычно используется для характеристики законопроектов, предлагаемых мер, положения в экономике, в выступлениях, открывающих дебаты. Повествование встречается в тех случаях, когда необходимо показать предысторию вопроса или положения, представить последовательность событий, подчеркнуть динамику, развитие какого-либо процесса. Повествование часто бывает связано с развитием иррелевантной темы. Например, обозначив основную цель новой лейбористской партии – улучшение благосостояния граждан Британии и их семей – Т. Блэр повествует о достижениях партии и обрисовывает положение дел на данный момент:

*The Labour Party today, almost 8 consecutive years into government, something it has never come near achieving before, is more ideologically united than at any time in its 100 year history. Yet it is undoubtedly a new and changed Labour Party from what went before* (13/01/05).

Далее в повествовательный контекст включаются элементы описания основных лейбористских принципов:

*The values of the Party are absolutely Labour. The values hold firm. The policies to implement them have changed radically from the past. At long last, the unchanging principles have been liberated from outdated thinking and policy which necessarily has had to change because the world and society have changed.*

В речи оратора сменяются описание и повествование, в определенном смысле подчиненные рассуждению, используются для иллюстрации и доказательства мысли в ходе развития аргументации. Сменяемость видов контекста определяет общую композиционно-речевую структуру текста.

Известно, что развертывание аргументации происходит путем чередования аргументов, несущих основную информационную нагрузку, проводящих главную линию, и аргументов, конкретизирующих основную мысль высказывания. В аргументативном тексте описание и повествование служат для текстовой реализации аргументов, несущих дополнительную информацию, и являются вспомогательными формами, в то время как рассуждение, преобладающее в текстах аргументации, является основным функционально-смысловым типом речи в ПВ. Когнитивные модели и их терминалы вводят основную информацию в текст оратора в форме рассуждения. И тезис, и аргументы, и выводы содержат элементы рассуждения, которые могут сменяться повествованием или описанием.

В текстах информационных газетных сообщений трудно с полной четкостью выделить аналогичные типы речи из-за чрезвычайно сжатого характера изложения. Тем не менее, можно наблюдать то, что при жанровой трансформации в основном передается рассуждение исходного текста, в первую очередь тезис, вывод, основное положение, затем – в зависимости от степени важности и наличия места – доводы, аргументы. Текст ИГС сокращается в основном за счет опущения повествовательного контекста. Чтобы полнее описать трансформационный механизм, рассмотрим особенности контекстно-вариативного членения в ИГС.

Речь автора неизменно используется во вводном абзаце, во вводящих фразах, выполняет суммирующую, связующую и оценочную функции, вводит косвенную, прямую и несобственно-прямую речь. Например, первое предложение статьи "*History will forgive him*" (18/07/03) содержит оценку выступления Т. Блэра, которая выражается лексически благодаря эпитетам *rare* и *historic* и посредством неполной цитации *("forgive" him)*:

*Tony Blair last night used the* ***rare opportunity*** *of a* ***historic address*** *to the US Congress to declare that history would* ***"forgive"*** *him even if no weapons of mass destruction are uncovered In Iraq.*

Речь автора на первый взгляд практически лишена индивидуальности, т.е. не выражает личности автора-журналиста, а скорее отражает индивидуальность чужой речи, придавая изложению характер объективности и достоверности. Вместе с тем речь автора может заключать в себе оценку, выявить которую полностью возможно лишь при сопоставлении текстов ПВ и ИГС. Сравните отрывки из выступления и соответствующего ему информационного газетного сообщения:

*If we are wrong we will have destroyed a threat that, at its least, is responsible for inhuman carnage and suffering. That is something I am confident history will forgive (17/07/03) – 1. Mr. Blair's* ***prediction*** *that he would be forgiven by history was the* ***highlight*** *of a lengthy address to Congress. 2.* ***With critics likely to seize on his admission****, Mr. Blair* ***insisted*** *that he still believed he would be proved right (18/07/03).*

В данном случае важная для передачи информация представлена в ИГС в виде повтора (предложения 1, 2). Автор использует рамочную структуру, которая перекликается с броским заголовком "*History will forgive us"*, основанным на гиперболизации: история рассматривается в ракурсе вечности. Речь автора / журналиста значительно усиливает категоричность и оценочность высказывания ПВ. В предложении 1 проявляется также авторская ирония, так как Т. Блэр, вероятно, говорит об очевидном, а это вызывает одобрение Конгресса.

Речь автора включает в себя глагол, предваряющий авторскую речь и обозначающий «действительность преобразованную, пропущенную через сознание субъекта» [4, с. 23], который находится в начале предложения и сразу привлекает внимание читателя, вводит его в курс дела, одновременно предлагая оценку. Семантические признаки значения глагола могут быть ориентированы на отдельные компоненты содержания чужой речи, на ее содержание в целом, либо могут сообщать сведения о компонентах коммуникативного акта, представляемого чужой речью. Однако и нейтральные вводящие глаголы типа *say, tell, ask, add, reply, go on* (например:

*Teasing his audience, he* ***said****: "May 5 is the focus of the election date." He paused before* ***adding****, "For the county council elections, of course". He then* ***said****: "But if anything else comes along on that day, we are ready for it, are we not?"* (14/02/05))

также могут участвовать в создании оценки, причем часто их использование приводит к снижению экспрессивности и категоричности исходного высказывания. В данном примере оценка создается за счет цитирования и причастного оборота *teasing his audience.*

Взаимодействие глагола и чужой речи может быть интенсифицирующим и модифицирующим [2, с. 16]. При интенсификации глагол усиливает содержание чужой речи и, в итоге, приводит к усилению воздействия всего высказывания на реципиента. Например:

*The prime minister* ***praised***[1] *the US as a 'light of liberty' in the world* (18/07/03).

Модификация содержания чужой речи осуществляется новым семантическим признаком, присутствующим в лексическом значении вводящего эту чужую речь глагола, происходит в семантических аспектах истинности и положительной / отрицательной оценки и изменяет семантический аспект воздействия чужой речи на читателя. Например, в предложении

*Speaking in a* ***confessional***[2] ***tone*** *at the end of Labour's spring conference, he* ***promised***[3] *to learn from his mistakes and* ***accepted***[4] *that he had, at times, appeared arrogant and out of touch* (14/02/05).

положительная оценка позиции Т. Блэра создается глаголами *promise* и *accept*, а словосочетание *confessional tone* оказывает сильное убеждающее воздействие на адресата.

Наиболее многочисленной является группа глаголов, выражающих оценочное отношение (напри-

[1] ***Praise*** – tell, proclaim, or commend the worth, excellence, or merits of; express warm approbation of; speak highly of; laud, extol (OED XII: 283); to say that you admire and approve of someone or something, especially publicly (LDCE: 1105).

[2] ***Confessional*** – of the nature of or pertaining the confession (OED III: 704); confessional speech contains private thoughts that you normally want to keep secret (LDCE: 280); intimate, friendly.

[3] ***Promise*** – give verbal assurance of; give or bestow (some specified thing or act): usually to the benefit or advantage of the person concerned (OED XII: 614); tell smb that you will definitely do smth, make you expect that smth will happen (LDCE: 1129).

[4] ***Accept*** – take or receive what's offered willingly or with consenting mind; with favour or approval; with patience or resignation, tolerate (OED I: 70).

мер, *praise, signal, attack, tease* и др.). Этот факт подтверждает положение о том, что ведущим содержательным аспектом прагматики газетного текста выступает оценка.

Таким образом, следует заметить, что речь автора ИГС передает субъективное авторское отношение к описываемым событиям на основе категории пресуппозиции. Взаимодействуя с эксплицитным содержанием высказывания, она делает возможным декодирование авторской импликации. Как показывает исследуемый материал, она актуализируется с помощью неопределенно-личных конструкций с пропозициональными глаголами мнения, которые вводят в высказывание субъективность, не называя эксплицитно оценивающий субъект. Они видоизменяют контекст, вводя в поле зрения говорящего носителя пресуппозиции и соответствующий ему мир. Это обычно предложения с субъектной инфинитивной конструкцией. Например, с помощью конструкции «сложное подлежащее» *he, right* передается субъективное отношение (надежда на правоту) носителя пресуппозиции (Т. Блэра):

*Mr Blair insisted that he still believed* ***he*** *would be proved* ***right*** (18/07/03).

Функционирование категории пресуппозиции носит транзитивный межтекстовый характер, что обусловлено дискретностью и процессуальностью современной периодической печати. Любая информация подается в газете как минимум дважды, и каждое предыдущее сообщение содержит пресуппозицию содержания последующих. Обычно ею имплицируют те части сообщения, которые содержат информацию, актуальную для адресанта. Так автор, не включая в текст эксплицитной оценки описываемых событий, самим выбором материала создает имплицитный комментарий.

Как показывают наблюдения, речь автора ИГС не только передает модальность, содержащуюся в тексте ПВ, но служит средством выражения собственной модальности, главным образом в результате передачи и создания оценки.

Формами передачи чужой речи в ИГС являются косвенная, прямая и несобственно-прямая речь. Прямая речь употребляется в газете реже других видов, так как это форма речи менее предсказуема и обычно используется в газетном сообщении для выражения наиболее важной мысли. Характерной для газетного текста чертой является переплетение форм прямой и косвенной, косвенной и несобственно-прямой речи, что позволяет создать впечатление цельности и достоверности сообщения. Предпочтение отдается несобственно-прямой речи из соображений экономии. Если передавать длинные отрезки текста при помощи косвенной речи, это может привести к искусственности и тяжеловесности изложения, поскольку косвенная речь требует вводящей фразы и подчиняющего союза.

Таким образом, мы можем заключить, что сохранность, преобразование или потеря информации при трансформации ПВ зависит от ряда факторов: изменения коммуникативной ситуации и прагматических задач, структурно-композиционной трансформации текстов, изменения функционально-смысловых типов речи и т.д.

Исследуемый нами материал позволяет сделать вывод о том, что при жанровой трансформации, прежде всего, мы имеем дело с компрессией текста, т.е. уменьшением плана выражения. Однако наблюдается и сокращение плана содержания, т.е. имеет место компрессия информации. Этот вывод подтверждает определение М.М. Коровкиным [6] компрессии информации как одновременного уменьшения двух планов языка (плана содержания и плана выражения), которое осуществляется с помощью компрессии текста.

Пределы сжатия текста ПВ при трансформации в ИГС определяются текстовой нормой, в соответствии с которой речевая единица не должна утрачивать своего сообщительного смысла. Первичная компрессия предполагает сохранение ключевой информации: происходит передача концепта сообщения. Также при первичной компрессии имеет место одновременное уменьшение двух планов языка, что позволяет нам определить первичную компрессию не только как коммуникативный способ информационной компрессии, но и как интенсивный способ повышения информативности текста. Однако информативность производного текста не только не уменьшается, но и повышается за счет употребления более кратких единиц языкового кода и их редукции, иными словами, за счет вторичной семиотической информационной компрессии.

Литература

1. *Валгина, Н.С.* Теория текста / Н.С. Валгина. – М., 2003.

2. *Воронков, В.В.* Прагматический аспект текста англоязычной публицистической журнальной статьи: автореф. дис. … канд. филол. наук / В.В. Воронков. – М., 1991.

3. *Дейк, Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М., 1989.

4. *Ильчук, Е.В.* Мышление и восприятие сквозь призму языка (на материале английского языка) / Е.В. Ильчук. – М., 2004.

5. *Ирисханова, К.М.* Коммуникативные форманты стиля / К.М. Ирисханова // Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1987 – Вып. 286. – С. 26–33.

6. *Коровкин, М.М.* Внутритекстовые связи как средство компрессии текста: автореф. дисс. … канд. филол. наук / М.М. Коровкин. – М., 1991.

7. *Куряков, В.Н.* Компрессия как особенность американского военного текста (на материале боевых приказов армии США): автореф. дис. … канд. филол. наук / В.Н. Куряков. – М., 1991.

8. *Наер, В.Л.* К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. Вопросы дифференциации и интеграции / В.Л. Наер // Лингвостилистические особенности научного текста – М., 1981. – С. 3–13.

9. *Спиркин, А.Г.* Философия / А.Г. Спиркин. – М., 2003.

10. Longman Dictionary of Contemporary English. – Oxford, 1995. – (LDCE)

11. The Oxford English Dictionary. – Oxford, 1989. (OED)

Цитируемые источники

1. 'History will forgive us'. – 18/07/03
2. No more 'I know best', says Blair. – 14/02/05
3. Peter Mandelson's speech on a new consensus for Europe. – 13/01/05

УДК 821.161.1

***Р.С. Переславцева***

# МОТИВ *ЗНАНИЯ / НЕЗНАНИЯ* В ЗАПИСКАХ «НА ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ» В.В. ВЕРЕСАЕВА

В статье рассматривается тема русско-японской войны 1904–1905 гг., недостаточно изученной в отечественном литературоведении. Анализируется образ войны, оптический код и мотивы знания // незнания как маркер японской и русской армий в записках В. Вересаева «На японской войне».

Русско-японская война, В.В. Вересаев, оппозиция знания // незнания (зрячести // слепоты).

The article considers the theme of Russian-Japanese War of 1904$^{th}$ – 1905$^{th}$, poorly studied in Russian literature criticism. An image of war, an optical code and a motive of knowledge // ignorance are analyzed as markers of Japanese and Russian armies in V. Veresaev's notes 'On Japanese War'.

Russian-Japanese War, V. Veresaev, opposition of knowledge//ignorance (ability to see//blindness).

В отечественном литературоведении долгие годы тема русско-японской войны была «забытой». С одной стороны, это объясняется тем, что она потерялась в информационном и событийном потоке русской революции 1905 г. и последующих общественно-политических реформ. На фоне этих событий, происходящих здесь и сейчас, в России, русско-японская война, прогремевшая на далеких и малоизвестных широкой публике рубежах за непонятные интересы, представлялась «глупой и преступной колониальной авантюрой» [4, с. 155], закончившейся неожиданным позорным поражением отечественной армии. Последний факт послужил закономерным прологом к событиям 1905 г. Например, русская революция и пролетарские массы в романе Андрея Белого «Петербург» соприродны «желтой опасности», грозившей, по мнению панславистов, с Востока. Во-вторых, свою роль сыграла Первая мировая война, а также последовавшие за ней революционные события и война гражданская. В результате осмысление результатов русско-японской войны оказалось на периферии историко-литературного процесса. В-третьих, попытка «забыть» русско-японскую войну объяснялась и причинами ментального характера, «национальным унижением» [2, с. 29]. Е.С. Сенявская цитирует выступление И.В. Сталина 2 сентября 1945 г., который «напомнил советскому народу все обиды, нанесенные России Японией», подчеркнул, что «отторгнутые в 1905 г. территории будут возвращены СССР» и «мы сможем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы… японского нашествия на востоке» [7, с. 59].

Первые попытки осмысления и отображения реалий русско-японской 1904 – 1905 гг. современниками предпринимаются в публицистике, дающей непосредственный взгляд на события, документальной и художественно-документальной прозе: докладных записках, отчетах, письмах, дневниковых записях, записках с фронта, очерках, репортажах, мемуарах. Не исключение и записки В.В. Вересаева «На японской войне».

Актуализация «документальности» в русской литературе начала XX в., «в условиях стремительных радикальных перемен эпохи», по мысли Т.Г. Симоновой, обусловлена «огромной потребностью в достоверном знании о мире, полностью удовлетворить которую невозможно за счет обычных средств информации» [8, с. 3]. Жанровым особенностям документальной прозы посвящены работы Л.Я. Гинзбург, А.А. Тесля, О.Е. Егорова, Н.А. Богомолова, Т.И. Ерохиной, Л.М. Пивоваровой, Т.А. Карпеевой и др.

Записки «На японской войне» основаны на личных наблюдениях автора, ставшего свидетелем и участником русско-японской войны. Авторская точка зрения в произведении идентична точке зрения повествователя – врача Викентия Викентьевича, призванного в действующую армию и отправленного с полевым подвижным госпиталем в Маньчжурию.

Устойчивыми характеристиками русско-японской войны для писателя становятся определения «ненужная» и «непонятная» [1, с. 3], [4]. С этими определениями корреспондируют также образы «сна», «незрячести», «ловушки» и «смерти», которые получили развернутое воплощение в цикле В. Вересаева «Рассказы о японской войне».

По мысли автора, ни разрыв дипломатических отношений между странами, ни подрыв японскими минами «спавших боевых судов», ни гибель «Варяга» и «Корейца» не дают ответа на главный вопрос: «Из-за чего началась война?» [1, с. 3]. Незнание причин войны представлено тотальным, всеобъемлющим – «никто не знал» [1, с. 3]. «Неведение», «незнание» России того, что происходит за ее пределами, свидетельствует не только о ненужности данной